

и это не беда, когда бы не испепеляющее пламя ненависти на всех, кто не “икона”, кто только что почитался “иконой”, да перешёл в другую гавань... А правдолюбие, кроме всего прочего, обычно связано с желанием во всяком находить хорошее, а не только дрянное. Отчаянное, безмерное правдолюбие без стремления открыть свет в конце туннеля — нередко лишь проявление безмерной гордыни...

О РЕВОЛЮЦИИ

О том, что Бунин не принял революцию, известно. Согласно соросовским учебникам школьникам рассказывают, что никакой “великой” и “социалистической” революции в октябре 1917 г. в России не было, а был “большевистский переворот”, “захват власти”, да и то случайный. Такими же словами говорит о революции и Бунин. Вот некоторые его высказывания по этому поводу.

“Тихонов рассказывал мне, — пишет Бунин, — как большевики до сих пор изумлены, что им удалось **захватить** власть и что они все ещё держатся”⁸. “Луначарский после **переворота** недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели произвести, и вдруг такой неожиданный успех!”⁹ Позднее Троцкий писал в дневнике: “Если бы в Петербурге не было бы ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции”¹⁰.

“**Неизбежна была революция или нет?** — спрашивает Бунин. И говорит: — **Никакой неизбежности, конечно, не было**, ибо, несмотря на все недостатки, Россия **цвела, росла**, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях... Была Россия, был великий, **ломившийся от всякого скарба дом**”¹¹.

Тут Иван Алексеевич серьезно ошибался. 17 января 1895 г. при восшествии на престол в своей тронной речи Николай II прямо сказал: “Бессмысленно мечтать о всякой конституции”. В том же году царь твёрдо поддержал расстрел рабочей демонстрации в Ярославле, направив телеграмму, в которой говорилось: “Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твёрдое поведение во время фабричных беспорядков”.

О том, что К. Маркс еще в 1870 г. был убеждён, что “в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция”, и повторял это неоднократно; о том, что скорая русская революция, как говорил Ф. Энгельс, станет “поворотным пунктом во всемирной истории”; о том, что в “Письмах издаека” В. И. Ленин предрекал, что революция 1905 г. и Февральская 1917-го “должны привести Россию к революции социалистической”, царь Николай знать не знал — что за “людишки”? Слыхом не слыхивал об этом, надо думать, и Бунин.

Николай II, причисленный ныне к лику святых как великомученик, был очень слабым правителем, не способным принимать адекватные решения, верно реагировать на ситуацию, о которой ему осмеливались докладывать.

Еще в 1902 г. министр внутренних дел России Плеве в докладной записке царю говорил: “Если бы 20 лет назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что **России грозит революция**, я бы только улыбнулся. Нынче я **вынужден смотреть на положение иначе**”. В феврале 1914 г. министр внутренних дел России Дурново сообщал самодержцу, что “в случае неудачной войны в России неизбежна социалистическая революция”.

Откуда мог знать обо всём этом Бунин? Зато с полной уверенностью писал, что на Октябрьскую революцию “чернь” спровоцировали большевики. И был убежден, что абсолютно прав. Хотя позади уже были и революция 1905 г., и Февральская революция 1917-го, дававшие повод для глубоких размышлений.

Бунин пишет: “Ключевский отмечает чрезвычайную **повторяемость** русской истории”¹².

Во взглядах на революцию Бунину были по душе и слова Наполеона: “Что породило революцию? (французскую. — **И. И.**) Честолюбие! Что остановило её? Честолюбие!”.

“Честолюбие!...” Нет же: “повторяемость” причин **любой** революции, будь то английская, французская или какая-то иная. Нарождающейся российской буржуазии было тесно и душно в атмосфере феодальных и (по сути) всё ещё крепостнических отношений. В 1902 г. в забастовках и стачках участво-